

ПРИТЧИ ОТ АЙДАН

Голубоглазый кларнетист

Жил в одном городе Кларнетист, и случились у него именины, впрочем, как это случается и у всех людей на свете. И премилая крестница подарила ему восхитительный подарок – статуэтку: две золотые ладони, держащие рубиновое сердце, где было выгравировано: «Самому доброму человеку». У Кларнетиста и вправду было очень мягкое, словно белый хлебный мякиш, доброе, отзывчивое сердце. И одна удивительная особенность: стоило ему слегка заволноваться, как его глаза мгновенно менялись из светло-серых в дивно-голубые, как ярко-голубые гортензии, которые Кларнетист с особенным трепетом выращивал в своем саду. Поэтому люди вокруг так и прозвали его – Голубоглазый Кларнетист.

Ну так вот, в доме у этого самого Голубоглазого Кларнетиста и произошла эта изумительная история. А началась она с того, что вместе с подарком крестницы в доме у него поселился чудесный, размером с булавоочную иголку, эльф, который жил в этом ярко-пурпурном рубиновом сердце. Хотя если эльфу вдруг почему-то становились не по душе хозяева дома, он мог улететь от них навсегда. Но добродушный Кларнетист и его жена так приглянулись эльфу, что он, не раздумывая, принялся у них жить да поживать.

По утрам эльф играл в салочки с майскими жуками, бабочками, божьими коровками, днём купался в цветочной пыльце, а после, прыгая с лепестка на лепесток, оставлял на них крохотненькие жёлтые слезочки от пыльцы, походившие на самые

малюсенькие солнечные пятнышки. Эта забава так нравилась эльфу, что он от удовольствия заливался звонким, радужным смехом и хлопал своими прозрачными, крохотными крылышками. А вечером удобно устраивался на макушке Голубоглазого Кларнетиста и любовался вместе с ним удивительным садом из голубых гортензий, которые, словно поле небесно-голубых бабочек, трепетали под летним ветром своими шелковыми лепестками. После Кларнетист предавался сладостным мечтам и воспоминаниям прошлого, а эльф, слушая его славные мысли, как убаюкивающие сказки, улетал в своё ярко-пурпурное царство, где умиротворённо засыпал. Так прошли месяцы безмятежных деньков. Но однажды Кларнетист пришёл домой полный такой тоски и боли, что эльфу стало как-то не по себе, он даже продрог от холода, исходящего от него, хотя на дворе стояла макушка лета. Голубоглазый Кларнетист был похож на мрачную, серую, осеннюю тучу. Тяжело вздыхая, он подошёл к комоду, сердце его стучало, как тысячи колоколов, и в глазах его от глубокой тревоги вспыхнули голубые гортензии. Он выдвинул ящик комода, достал оттуда кожаный футляр для парных кларнетов и, посмотрев на свои славные инструменты, с горькой жалостью проговорил: «Ну, всё, братцы, прощайте. Ах вы мои бедняжки, лежать вам в тёмных дубовых ящиках комода, когда мне ещё придётся на вас играть?!». Едва сдерживая слёзы, он рассказал своей милой жёнушке, что некоторое время назад в их город приехало варьете, которое в мгновение ока стало для всех его жителей сладостным увлечением. А их достославный симфонический оркестр ушёл в небытие и распускается за ненадобностью.

– Весь город, от мала до велика, словно обезумел. Он превратился в ненасытную плоть и упивается бездонной пустотой, – говорил он с горечью. – А бесценную музыку великих творцов, выкорчёвывая с корнем, выбрасывают, как какую-то поганку или сорняк.

Он запнулся, и слёзы невольно хлынули из его теперь уже иссиня-голубых глаз. Эльф всё это время сидел на рубиновом сердце и чистил свои прозрачные крылышки от цветочной пыльцы. От услышанного у него преобильно защемило сердце. Он подлетел и сел на темя Голубоглазому Кларнетисту, поглаживая его своими маленькими крылышками. Жена у кларнетиста была женщиной умной.

– Злую печаль гони доброю мыслью, – посоветовала она. – И не стоит так сильно огорчать свое сердце, и опережать события, может, всё и изменится к лучшему?!

Кларнетист только растерянно развёл руками и открыл окна в сад. Луна в эту ночь светила на удивление ярче обычного, и мягкий лунный свет легко просочился в комнату, осветив комод, на котором стояла статуэтка, подаренная Кларнетисту его крестницей. А рядом с ней лежала старая, исписанная от корки до корки тетрадь его покойной матушки. Он подошёл и, взяв её в руки, открыл наугад. Неожиданно лицо его восторженно просияло, и он, улыбнувшись всем своим тревогам и печалям, успокоился сердцем и с лёгкой душой лёг спать. А лунный свет продолжал ярко освещать комод, на котором лежала тетрадь, оставленная раскрытой, где беглым почерком его драгоценной матушки было написано: «Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся».

Когда в доме пробило три часа ночи, эльф подлетел к комоду, проскользнул сквозь щель к кларнетам, помахал над ними своими прозрачными крылышками, и из них дождём посыпались золотистые блёстки и звёздочки, которые покрыли инструменты изумительно сияющим флёром. А через несколько дней под открытым небом

состоялся прощальный концерт самого лучшего симфонического оркестра, где с юных лет играл и наш герой – Голубоглазый Кларнетист. Вот тут-то и случилось это чудесное перевоплощение, которое навсегда перевернуло жизнь тихого, ничем не примечательного провинциального города. словно по чьей-то непререкаемой воле на этом концерте собрались все жители до единого – от мала до велика, от простых и бедных до самых именитых и богатых людей. Даже мэр вместе со своей семьёй оказал честь и прибыл. Горожане удобно расположились в предназначенных им местах. Дирижёр, со слезами на глазах в последний раз окинув взором зрителей, взмахнул своей дирижёрской палочкой, и оркестр заиграл. У всех музыкантов в этот день громко колотилось сердце, а тело пробирала дрожь – вы думаете от волнения? – отнюдь нет, это было от тоски и безысходности, которыми был пропитан воздух вокруг них в этот день. Только Голубоглазый Кларнетист сидел умиротворённо с неистовой верой во что-то очень доброе и светлое. Оркестр сыграл увертюру и медленно затих – кларнет божественно запел своё последнее соло. Но что это?! У всех перехватило дыхание, зрители замерли в оцепенении. Им показалось, что сам ангел-хранитель музыки спустился с небес на землю и заиграл. Звуки, упоительно журча, взлетели вверх переливающимися блёстками и обернулись в невидимые человеческим взором две большие золотые ладони, словно это были ладони самого Бога, на которых ослепительным огнём вспыхнуло огромное огненное сердце. Свет, исходивший от него, был животворным, он проникал в самую суть человеческих сердец, превращаясь там в маленькие, сияющие звёздочки. Но если повнимательней приглядеться, можно было бы увидеть, что это вовсе не звёздочки, а крошечные блистающие эльфы, посланные Богом, дабы очистить от смердящего себялюбия и черствого равнодушия сердца людей. К самому финалу концерта усердные эльфы все же успели отмыть сердца жителей города до солнечного блеска. Суета сует, ржою проевшая их жизни, улетучилась дымкой под порывом истины и божьей благодати. И люди, словно радужные бабочки, вылетели из тысячепудовых свинцовых коконов эгоизма на свет божий, высвободив свой бессмертный, великий Дух из плена сиюминутных страстей и наслаждений. Мир открылся им в своём истинном смысле: жить во благо другим, когда каждый человек для тебя не чужой и далёкий, а неотъемлемая, родная частица тебя самого. Это и есть единственный путь к счастью. Ну что ж, музыка исполнила свою священную миссию, наполнив людские души особым светом – божественной мудростью.

После концерта мэр объявил симфонический оркестр достоянием их города и вписал имена всех его исполнителей золотыми буквами в книгу самых почетных и уважаемых граждан.

А варьете в тот же день покинуло город, и никто больше их не видел и никогда не вспоминал о них.

Вечером Голубоглазый Кларнетист блаженно сидел в своём излюбленном кресле и смотрел в сад с голубыми гортензиями, и они, как в зеркальной глади, отражались в его глазах. Эльф крепко поцеловал его прямо в маковку, и Кларнетист закрыл глаза от необъяснимого удовольствия: на мгновение ему привиделось, что благодатные руки его добрейшей матушки погладили его изрядно поседевшую голову. Исцеляющие руки матери – словно руки самого Бога. Он понял это сейчас, и слёзы прозрачными бусинками скатились по его морщинистым щекам. А может, это ему и не привиделось, а случилось на самом деле, откуда нам знать. На свете так много всего, неподвластного человеческому разуму и скрытого от людских взоров.

Волшебная сила искусства

Жила-была девушка. Стоило ей проснуться и, свесив ноги с кровати, коснуться пола, как она тут же взлетала. Жителей города эта ее способность крайне раздражала. Одна часть горожан ее осуждала: «Вон, опять вспорхнула наша пташка, летает!..», другая – смеялась над ней: «Вот чудачка!..Куда летит?..» Всерьез ее не воспринимали и не хотели иметь с ней никакого дела. Не было у этой девушки во всем городе ни единой родственной души. Но она не могла ничего поделаться с собой, не могла измениться – летать было ее врожденной потребностью.

Однажды девушка задумчиво летела по небу, да так углубилась в собственные мысли, что и не заметила, как очутилась в картинной галерее некоего города N. Перелетая из одного зала в другой, она оказалась перед картинами Марка Шагала. Девушка загадочно улыбнулась, годами не разрешавшаяся проблема в один миг разрешилась сама собою.

Девушка скупила все буклеты и репродукции картин Шагала, забрала их с собою в свой город, чтобы раздать жителям. Горожане, увидев картины, взмахнули руками и взлетели...

Оказалось, что все, кто родился в этом городе, умели летать. Это было их естеством. Но одна часть жителей боялась этой своей способности, а другая – стыдилась. Но и те, и другие сходились на одной мысли, что летать – это сверхопасно и сверхлегкомысленно. Однако картины великого художника, где почти все его герои летали, как дышали, свободно и естественно, раздвинули границы сознания горожан, сокрушили надуманные предрассудки, которые не одно поколение держали в своих стальных тисках.

Чудак

Жил-был Чудак. И была у Чудака мечта чудесная, да чудаковатая. Хотел он придумать такое слово, которое могло бы объединить всех людей и сделать их счастливыми. Долго он думал, много слов перебрал, но ничего придумать не смог. Тогда решил Чудак: «Природа всё же мудрее человека. Пойду-ка я и поучусь у неё». Сказано – сделано. Вышел он из дому и пошёл, куда ноги его повели. Увидел он сидящего на ветке воробья. Воробей чирикнул: чик-чирик, и все птицы с соседних деревьев слетелись к нему. Встретил собаку, она залаяла: гав-гав, сбежались к ней все окрестные псы. Проходил чудак мимо пастбища и попала ему на глаза корова, та замычала протяжно: му-у-у-у, и большое стадо коров издали послушно двинулось в её сторону. Тогда встал Чудак посреди городской площади и позвал: «Люди!», но никто не отозвался. Затем крикнул: «Спасите!», но никто не пришёл на помощь. Он ещё раз попробовал: «Любовь!». Но и на этот раз его зов остался безответным. Не теряя надежды, Чудак прокричал во весь голос: «Бог!», и вновь тишина и безмолвие вокруг. Он ещё и ещё, до хрипоты, голосил: «Люди! Спасите! Любовь! Бог!».

Но это был – глас вопиющего в пустыне. Ничего не оставалось ему, как уйти ни с чем с городской площади. Просто так, напоследок, он бросил: «Деньги! Власть! Слава!». И уже через несколько минут на площади негде было яблоку упасть. Люди валом валили и толпились, как на базаре. Они наперебой говорили друг другу:

– Вы случайно не видали торговца?! Очевидцы говорят, что он лишился ума и за бесценнок распродаёт редкостные несметные сокровища.

– Он уже битый час как торгует, а мы его только сейчас услышали...

– Верно, мы опоздали, и он ушёл в соседний город?!

– Айда за ним в погоню!

И тут вышел из толпы ушлый делец и так объяснил всё произошедшее:

– Не было никакого торговца. По нашему городу прошёл пророк. Я был рядом с ним, когда он провозгласил: «Люди! Спасение ваше, и любовь, и бог – деньги, власть, слава!»

Народ, толпящийся на площади, дико закричал от радости и завыл от удовольствия.

– Это истинный пророк!

– Его слова калёным железом выжжены в наших сердцах. И ничем их оттуда не вывести. Да здравствует неведомый пророк!

– И раз пророк ушёл, и неизвестно, когда вернётся обратно, ты будешь нашим светочем, ты поведешь нас к счастью! – обратилась толпа к ушедшему дельцу.

– Идите за мной, я поведу вас к свету! – завопил он в исступлении.

Вот и пошли люди за ним. И до сих пор идут безумной толпой. Но как не было между людьми взаимопонимания, как были они несчастными, утопая в беспросветной тьме невежества, такими остались и до сей поры.

О чем мечтает Смерть

Было ли это, не было ли, но как-то раз Смерть обратилась к Богу с весьма странной просьбой:

– Бог, ты всемогущ, переделать созданное тобой никто не в силах, кроме тебя самого. Прошу, измени моё имя!

– А чем тебя не устраивает твоё нынешнее имя? – спросил Бог.

– Есть у меня заветная мечта! И если назовёшь ты меня как-то по-другому, – более светлым и жизнерадостным именем, – изменюсь я, и мечта моя воплотится!

– О чём же ты мечтаешь, Смерть?!

– Мечта моя – познать, что такое радость, всем своим существом испытать её, залиться звонким, весёлым, светлым смехом. Ведь я никогда не знала, что такое радость, смех. Каждый день, испокон веков, выполняя свою работу, я не задумывалась: то, что я делаю – хорошо или плохо?! Я была уверена, что занимаюсь тем, для чего предназначена.

– А что поколебало твою веру и заставило думать иначе? – спросил Бог.

– Люди! Они с самого своего рождения и до конца дней своих враждуют со мной. Они избегают и проклинают меня, неистово умоляя тебя продлить им годы земной жизни, дабы отсрочить встречу со Смертью. Ибо я для них – олицетворение всего самого злого и ужасного. А что может быть хуже этого?!

– Назови тебя я хоть благополучием, хоть радостью, даже самым счастьем, ничего в тебе не изменится. Имя – всего лишь оболочка, эфир. Без наполняющей её сути, она пуста и никчёмна. Тебе, Смерть, надо изменить свое естество. А твоя суть такова, что ты никогда ни к кому и ни к чему не привязывалась, ничем не делилась, ничего никому не отдавала. Твоим извечным делом всегда было отбирать без спросу, навсегда и безвозвратно, не испытывая при этом ни радости, ни горя. Такова твоя сущность. А мыслимое ли дело – пойти против своей природы?!

– Я этого очень хочу! Я никогда не была другой, и мысли у меня не было такой – измениться. Но сейчас я жажду обновления, какого-то нового, неизведанного, яркого, отрадного чувства! А ты, Бог, мне в этом помоги. Ведь только тебе одному до конца всё ведомо и подвластно!

– Дерзай! – ответил Бог.

И Смерть ушла на край земли, где у неё был вроде бы как сад. Только из-за отсутствия надлежащего ухода он превратился в унылую каменистую долину. Смерть, засучив рукава, принялась за работу. Через неделю серая каменистая долина обернулась цветущей идиллией. Смерть оказалась виртуозной садовницей. Вы, наверное, по меньшей мере удивлены и воскликнули, дорогой мой читатель: «Невероятно! Где Смерть, и где благоуханный, цветущий сад?!» Но пути Господни неисповедимы – то ли ещё будет! В саду у Смерти выросло множество разных растений: от вычурных цветов до экзотических деревьев. Но лучше всего ей удались – тыквы и грушевые деревья. Груши свисали с веток большие, сочные, лоснящиеся, словно жёлтые светящиеся люстры, с тонким душистым ароматом и с послевкусием цветочного мёда. А обворожительно-оранжевые тыквы, сладкие, как шоколадная патока, были похожи на сказочные янтарные кареты. Смерть переделалась обычной селянкой и каждую неделю привозила на базар свой самый отборный товар. За очень короткое время у неё появилась целая армия покупателей. Они каждое воскресенье – это был большой базарный день – с нетерпением, а самое главное – с радостью ожидали её приезда. Смерть и подумать не могла, что встреча с ней может доставлять людям такое искреннее удовольствие. Однажды Смерть и вовсе была огорошена. Один маленькиймышлёный мальчуган смастерил кораблик из дубового дерева, с настоящими тряпичными парусами из материи в жёлтый горох. И в один из воскресных дней подарил его селянке. Получить подарок от людей в знак благодарности?! Ну, этого Смерть никак не ожидала! Она даже с какой-то не присущей ей ранее нежностью поблагодарила мальчугана. А тот, раскрасневшись от смущения, ответил ей искренним, радостным смехом. Его чудесный хрустальный голосок, словно благоуханный цветочный аромат, проник в Смерть, и она вслед за ним разразилась весёлым, неудержимым хохотом. Жёлтые горошины на парусах засветились и забегали по её лицу солнечными зайчиками, ей стало ещё светлее, ещё радостнее, и она засмеялась ещё звонче и разительнее. «Какой восторг! – подумала Смерть. – Каждый воскресный день я привозила людям фрукты и овощи, которые выращивала в своем саду, а взамен получила нечто большее – радость и любовь!» Испытав от этого нового, неизведанного чувства – подлинное счастье, Смерть вновь оказалась пред Богом.

– Ну что, Смерть, ты довольна? Сбылась твоя мечта?!

– Сбылась! – улыбнулась она. – Я и не знала, что могу так искренне и восторженно смеяться. А где был ты, Бог, в это время? – спросила Смерть.

– Я был тем звонким детским смехом, – тихо ответил Бог.

И Смерть еще раз убедилась в величии и непостижимости того, кто создал её.